

Вырезка из газеты

КРАСНАЯ
ЗВЕЗДА

от
9 МАИ 1982
Газета №

г. Москва

ПОМНЮ, как в Союзе писателей СССР отмечалось шестидесятилетие со дня рождения Михаила Николаевича Алексеева. Крупного художника слова, зрелого мастера, Героя Социалистического Труда. Слово для приветствия представил его землякам-саратовчанам. К столу президиума трое чествователей поднесли большой шпешничьяй каравай. И Михаил Николаевич бережно, как ребенка, принял его. Постоял минуту. Кряжистый, приземистый, чуть склонив голову набок. Затем нежно поцеловал хлеб и высоко поднял его над головой...

Если перефразировать название известного романа, можно сказать, что писателями, как и солдатами, не рождаются. Они становятся. Справедливость этого утверждения можно проследить и на судьбе Михаила Алексеева. Ему, рожденному в степном селе, с шести лет уже умевшему обходиться с лошадью, а с пятнадцати управлять колесным трактором, казалось бы, на роду было написано стать хлеборобом. Однако жизнь провела будущего писателя по таким дорогам, что у него появилась потребность рассказать об увиденном и пережитом всем. Встал вопрос: как сделать, чтобы вятые из жизни и перенесенные на лист бумаги образы людей сошли с него каждый со своей чуждой и задириной и опять отпали в народ. Задача не из легких. Она по плечу только мастерам. Но сад начинается с дерева, а река — с ручейка.

Первое дерево на просторном поле, имя которому Литература, Михаил Алексеев «посадил» в 1946 году. Это была приключенческая повесть «По следам меченого волка». Дерево было, что греха таить, не такое уж заметное. Только зрела мысль — посадить и другое. Более крепкое и рослое.

Таким деревом и стал роман «Солдаты», работе над которым Алексеев отдал восемь лет. Пропавшее вызвало интерес у читателя. Роман признан большой, всепоглощающей любовью к русскому солдату, верному защитнику социалистической Отчизны, его неизменно тяжело, повседневному ратному труду на пути к Победе. Накануне праздника Победы мы пригласили писателя в нашу редакционную «Землянку».

— Михаил Николаевич, о человеке на войне уже много написано. Но можно ли считать тему подвига советского народа на полях сражений Великой Отечественной хотя в какой-то мере исчерпанной?

— Наша беседа проходит накануне праздника Победы, и я хотел бы прежде всего отдать дань глубочайшего уважения и светлой памяти тем, кто таранил вражеские самолеты, пожил на амбразуры дотов и дзотов, с последней гранатой бросался под вражес-

кие танки, кто пал, не дойдя каких-то шагов до рейхстага, кто уже после войны умер от полученных тяжелых ранений. Вечная слава вам, воины! Склоняю голову и перед теми, кто прошагал всем смертям назло сквозь дым и грохот войны и ныне может видеть, как расцветает под мирным небом родная Отчизна.

«ОСТАЮСЬ В Боевом СТРОЮ»

Сам я военную службу и работу знаю не понаслышке. С первых дней воевал на Юго-Западном фронте. С июля 1942 года дрался под Сталинградом. Тут меня в разгар тяжелых боев приняли в партию. Тут я получил первую боевую награду — медаль «За боевые заслуги». Участвовал в освобождении Румынии, Венгрии, Чехословакии, где недалеко от Праги и закончил войну в должности корреспондента фронтовой газеты.

Что я думаю о войне? Прежде всего скажу: она была тяжелейшим испытанием для нашей страны. Военная победа над врагом, одержанная нами в мае 1945 года, стала победой нашей идеологии, нашей экономики, нашей нравственности. Эти четыре года, без преувеличения равные векам, продемонстрировали прочность спайки народов-братьев, показали, на что способен советский солдат, защищающий свое Отечество! И долг писателя, прошедшего войну, рассказывать о ней правду. А это значит — не только приоткрывать завесу над мир неприглядных сторон войны, представить ее в таких деталях, от которых бы читатель содрогнулся, хотя в меру, думаю, надо и это, но самое главное — упрочить своими произведениями мысль о том, что советский воин даже перед лицом смерти оставался самим собой: человеком, во имя идеи презирающим крайнюю опасность, способным не только закрыть грудью свой родной угол, а и принять на себя миссию по освобождению других народов.

А утверждали все эти взгляды в сознании людей, цементировали, сплачивали строй армейские коммунисты. На войне я всегда был с ними рядом, восхищался их примером, их мужеством и отвагой. Совершая героические дела, они оставались в жизни скромными и простыми людьми. Помню двадцатилетнего паренка Колю Сараева, который со связкой гранат бросился под вражес-

кий танк, написав перед боем на клочке бумаги отнюдь не для красного словца три слова: «Считайте меня коммунистом». Не уйдет из памяти и бой в знойной донской степи, в котором погиб политрук второй стрелковой роты Алексеев, первым ринувшийся в атаку на врага. Их не счесть, армейских политруков и коммиссаров, внесших свою весо-

му лепту в нашу Великую Победу! Что же касается самой темы Великой Отечественной войны, убежден глубочайшим образом: подвиг советского народа на фронте и в тылу — это тема для военных писателей на многие годы вперед. Сохранить и донести до грядущих поколений живые черты героев — задача для нас, живущих. Задача эта при всех наших творческих отличиях друг от друга должна служить одной цели: воспитанию наших потомков на примере их предков. Иными словами, мы обязаны вести воспитание памятью. И пусть по возрасту я уже прибавил к своему воинскому званию «полковник» не очень желательную приставку «в отставке», но, как писатель, (говоря это безо всякого бахвальства) остаюсь в боевом строю до последнего вздоха.

В этой связи хотел бы упрекнуть возможный вопрос о том, над чем работаю. Тема войны меня волнует по-прежнему. Как-то я говорил, что после таких «гражданских» вещей как «Вишневый омут», «Хлеб — имя существительное», «Ивушка неплакучая», «Карюха», я вновь вплотную приблизился к исходным рубежам. Однако добораюсь к ним не просто. Пока вот написались «Драчуны», теперь приступаю к новой работе — роману «Сталинград». Вещь эта в своей основе опять-таки будет военной...

Когда читаешь произведения Михаила Алексеева, обращаешь внимание на то, как писатель умеет работать со словом и над словом. Он любит найти такое из них, какое точно бы передавало смысл изображаемого, не боясь, что оно, может быть, несколько вышло из обихода. И тем приятнее, когда на этом пути его ждут удачи. Скажем, можно спокойно написать: «Хлеб засыпан в закрома», а можно сказать по-алексеевски: «Зерно собрано в сусеки». На чистоту языка писатель смотрит точь-в-точь, как сеятель на незамусоренность зерна, которое ему предстоит бросить в землю.

— Михаил Николаевич,

что питает ваше творчество? Каковы ваши взгляды на дела и задачи писательской работы?

— Конечно же, как я уже не раз об этом говорил, мой основной источник в творчестве — родное село Монастырское, настоящая народная академия. Благодарен судьбе, что вырос здесь, научился простому крестьянскому труду. Что

ни говори, а писатель, художник начинает формироваться еще в детстве. Почему же тогда не всякий становится писателем? Почему один, обьехав на теплоходе вокруг Европы, на вопрос, что видел, рассказывает о ярких витринах магазинов да о шикарных авто на улицах, а другой вгляделся в человеческие лица, высмотрел повадки людей, приметил быта, постиг обычаи, отметил особенности природы? Видимо, дело в душевной зоркости — основном условии писательства.

Все мои книги автобиографичны. И «Солдаты», где все герои в большинстве своем люди реально существовавшие, я, так сказать, приспособил к ним лишь другие фамилии. И «Вишневый омут», «Ивушка неплакучая», «Карюха» (была в нашем хозяйстве лошадь с таким именем). Правда, попадают у меня и персонажи собирательного типа. Но их немного. Зато судьбы героев мне выдумывать нет нужды, ибо они неотделимы от судьбы Родины нашей, от ее истории. Отсюда решайте: нужна ли писателю биография?

Теперь хочу сказать еще об одном — об умении писателя владеть словом. Тем самым, о котором Демокрит заметил: «Слово — тень дела». Ну, а где слово, там — язык. И он есть важнейший инструмент писателя. Тот из них, кто думает о доходчивости написанного, о судьбе своих книг на долгие годы, непременно стремится к максимальной чистоте и ясности языка. Люблю в этой связи (тут уж я, кажется, зацепил вопрос своих пристрастий) великого Гоголя, считаю

его своим учителем. Но не в смысле прямого подражания его литературным приемам, а в смысле того, что у него можно и должно учиться всем нам умению передавать все красоты звучания и стилистические особенности родного русского языка.

— Кстати, Михаил Николаевич, коль вы уж сами упомянули вопрос о творческих пристрастиях и неприятиях, может быть, скажете об этом поподробнее?

— Дорог мне Некрасов, удивительно тонко постигший речевые особенности горожан и, что еще более ценно, крестьян. За фундаментальность содержания, глубину философского осмысления жизни и, конечно же, за раскованность языка благоговейно перед Толстым и Горьким. Близки мне многие мои современники: Белов, Носов, Астафьев, Калинин, Иванов, Закруткин, Распутин, Стаднюк, Проскурин. А во главе всей этой когорты поставил бы Михаила Шолохова. О нем можно выразиться одним словом — гигант!

Теперь о неприятиях. Как-то от уже немолодого писателя на вопрос о творческих делах услышал такой ответ: «Да вот накатал новый роман». Прочел вскоре рукопись и ахнул. Батюшки-светы! И, в самом деле, чего только он в своем романе не атаката! Тут и там сплошные абракадабры, щеголяние новомодными словечками, целые страницы, напоминающие технические инструкции...

Что касается моей позиции, всегда готов повторять слова, сказанные однажды в одном из публицистических выступлений: «Сеятель и хранитель, иными словами хлебороб и воин, — вот герои моих написанных и еще ненаписанных книг. И я уверен, что они более чем достойны быть нашими героями. Важно, чтобы мы-то, пишущие, были достойны их великого ратного и трудового подвига».

А в заключение беседы хочу еще раз поздравить с праздником Победы всех читателей «Красной звезды». Ветеранам желаю прежде всего доброго здоровья. А вам, сыновьям и внукам тех, кто тридцать семь лет назад водрузил над рейхстагом Знамя Победы, желаю зорко стоять на страже мира. Это сегодня самое главное!

НАША беседа с писателем проходила в его скромном кабинете редакции журнала «Москва». Однако уже были заметны тут следы некоторой нарушения уютности. Михаил Николаевич улыбнулся: «Скоро передислоцируемся в новое помещение. Государство заботится о нас». И взглянув на часы, заторопился: «Однако засиделись мы. Мне вечером с поступившими рукописями надо познаться. А с утречка — за рабочей стол. Ах, как хочется, чтобы «Сталинград» получил-ся!».

Полковник В. КОСТКО.

На снимке: М. Н. АЛЕКСЕЕВ.

Фото И. КОЧНЕВА.